

Имперский размах

Два дня Мариинский театр командовал парадом на сцене Большого

Мария БАБАЛОВА,
«Новые Известия»

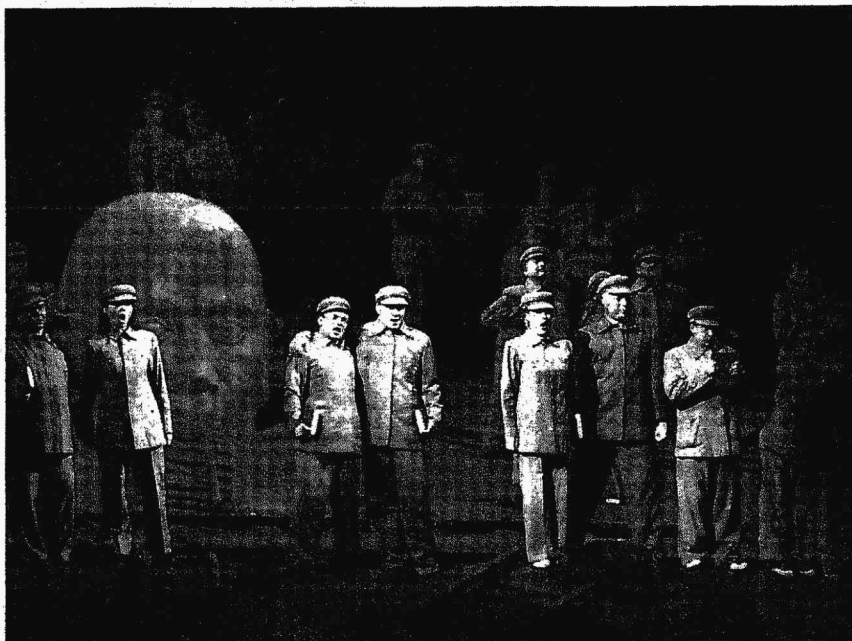
Теперь два первых оперных театра страны находятся в состоянии дружбы, и в ближайшем обе труппы выступают на сценах друг друга. На сей раз при организационной поддержке фестиваля «Золотая маска» в начале ноября они обменялись балетными представлениями, а ныне настал черед оперы. По сему случаю театры выпустили даже один буклет на двоих. Толстый, глянцево-блестящий, с пугающей красной, будничной и строго поясняющим подзаголовком на ней — «Диалог театральных столиц».

Большой театр отправил в путешествие на берега Невы своего «Евгения Онегина» 1944 года рождения, реанимированного в октябре 2000 года. В этом спектакле было лишь две приманки: одна — исторически-редчайшая — Борис Покровский приложил свой режиссерский перст к данной постановке, другая ультрамодная — в роли Ленского на сцене Мариинки дебютировал поп-идол и самое заметное приобретение Большого театра последних лет — Николай Басков. Питерцы же привезли в Первопрестольную оперу Сергея Прокофьева «Семен Котко» почти трехгодичной давности и гала-концерт своих солистов.

Москва боготворит Валерия Гергиева, и публика встретила маэстро стоячей овацией. Премьера революционного опуса Сергея Прокофьева 1939 года по повести Валентина Катаева «Я — сын трудового народа» о гражданской войне на Украине состоялась в июне 1999 года. С тех пор, вызывая массу споров не столько музыкального свойства, сколько идеологического, она объездила немало стран и только теперь добралась до Москвы. На помощь Валерию Гергиеву, отважившемуся смыть советское клеймо с этой гениальной оперы, пришел великодушный художник Семен Пастух. Он превратил сценическое пространство то ли в брошенную людьми планету, то ли в джунгли пластонового котлована (общий вес декораций — 15 тонн). Вся эта территория насмерть опоясана нитями железнодорожных путей длиной в 160 метров, будто пулеметными лентами. По сцене разгуливают то солдаты в ку-ку-луке-клановском одеянии, то красного цвета, то люди в серых одинаковых костюмах то ли с плеча Сталина, то ли Мао. И противостояние долга и чувства тут сразу же утрачивает свою лобовую революционность. Но во всем этом нет ни малейшей заслуги режиссера Юрия Александрова, который банально лишь «разводит» массовку и солистов.

Оркестр под паточкой Валерия Гергиева звучал по-фирменному мощно и ярко. Хор по своему качеству приближался к музыкантам. С незначительным оставлением следовали и многочисленные солисты — молодежь и певцы со стажем были корректны в предъявлении сложнейшего вокального языка композитора. Особенно хороши были тенор Виктор Луцук (Семен) и сопрано Татьяна Павловская (Софья). Но все же достижение премьерной концентрации энергии в гастрольных условиях оказывается задачей невыполнимой.

На следующий день после такого грандиозного и труднейшего представления был гала-концерт из музыки Чайковского, для участия в котором не приехала ни одна настоящая звезда марининской оперы, который дался пев-

Тоталитаризм по-маринински. Сцена из оперы «Семен Котко».

Новые Известия — 2001 — 10 июля — с. 7

цам чуть ли не со стопроцентными издержками. Сперва солисты вымучивали финал «Пиковой дамы»: врالي слова и давали «летуха» (Герман — Виктор Луцук, Елецкий — Владимир Мороз, Томский — Василий Герелло), слысь все-таки выяснить «Что наша жизнь?». Потом после неожиданно возникшей балетной передышки в хореографии Баланчина (в «Серенаде» солировали Жанна Аюпова и Даниил Корсунцев, а па-де-де исполнили Диана Вишнева и Игорь Зеленский). После антракта настал черед второго акта из оперы «Мазепа». Фантастическое звучание оркестра, которым, как и накануне, руководил Валерий Гергиев, солисты (Мазепа — Виктор Черноморцев, Мария — Ирина Лоскутова, Кочубей — Михаил Кит, Любовь — Ольга Савова) «засыпали» толстым слоем фальши оснивших голосов и бурными фантазиями по мотивам канонического текста либретто. Певцы выглядели фатально уставшими и измученными.

В прошлом сезоне Мариинка завалила публику премьерными, выпускала новый спектакль регулярно каждый месяц, а то и чаще. Нынешний сезон уж близок к экватору, а театр пока не показал еще ни одной свежей работы. Обещанная в октябре «Травиата» Верди, которую уже играла Мариинка за границей, не вписывается своими декорациями в сцену родного театра. А планируемое в ноябре новое появление «Бориса Годунова» пока не может найти себе достойного, в глазах Валерия Гергиева, режиссера-постановщика. И ближайшая премьера — опера Вагнера «Зигфрид», назначена лишь на январь будущего года. Но судя по пылкой пресс-конференции Валерия Гергиева в Москве, сейчас он куда более озабочен судьбой реконструкции двух театров (Марининского и Большого), чем сугубо творческими задачами. Фактически в режиме монолога Маэстро поделился с собравшимися сво-

ей обидой, переходящей в негодование, на правительство, премьер-министров последних лет, и в первую очередь на нынешнего министра культуры Михаила Швыдкого за «фальшь в отношениях из советского времени», за то, что чиновники обещают активное содействие в реконструкции Мариинки, но ничего не делают, а час «икс» — 2003 год, трехсотлетие Петербурга — уж близко.

Маэстро говорил очень эмоционально и сбивчиво. В его речи мелькали имена, названия городов, фирм, опер и балетов, рефреном проходила одна мысль, что стыдно России публично гордиться своими природными ресурсами и надо переключаться на культурные ценности.

В Гергиеве гармонично уживаются и феноменально талантливый дирижер, и столь же удачный менеджер. За тринадцать лет своего правления Мариинкой, работая по двадцать часов в сутки, он создал из нее процветающую художественную империю во главе с собой. Он, как никто другой, умеет быть деспотичным и беспощадным. Когда в театре Гергиев, в Мариинке царит нервная непредсказуемость. Театр постоянно живет на чуждых чужаках. Но именно Гергиев сделал из Театра оперы и балета имени Кирова одну из лучших музыкальных трупп мира, которую желают видеть повсюду, а поддержать миллионными долларами считают за честь самые крупные меценаты планеты. Президент России на спектакли Мариинки ходит много чаще, чем в Большой театр. И, кажется, сейчас Валерий Гергиев одержим новыми, грандиозными и почти фантастическими планами. Но только уже не относительно лишь Мариинского театра, а всей судьбы российской культуры. И ядром этих замыслов, в полном соответствии с нынешней национальной модой, естественно, является Северная Пальмира.